

Михаил Иванович Пыляев

Стародавние старчики, пустосвяты и юродцы

*Часть сборника
Замечательные чудачи и
оригиналы (сборник)*

Старое житье

Михаил Пыляев

**Стародавние старчики,
пустосвяты и юродцы**

«Public Domain»

1892

Пыляев М. И.

Стародавние старчики, пустосвяты и юродцы / М. И. Пыляев —
«Public Domain», 1892 — (Старое житъе)

«В самом начале появления юродивых уже являлись люди, которые для своих корыстных целей пользовались легковерием народа. Иоанн Грозный во втором послании к собору жалуется, что «лживые пророки, мужики и женки, и девки, и старые бабы бегают из села в село, нагие и босые, с распущенными волосами, трясутся и бьются, и кричат, св. Анастасия и св. Пятница велят им» и проч. ...»

Содержание

I	7
II	9
III	11
IV	13
V	14
VI	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

М. И. Пыляев

Стародавние старчики, пустосвяты и юродцы

Тимофей Архипыч. – Ксения Григорьевна. – Семен Митрич. – Михаил Дурасов, Евгений, Соломония и Неонилла. – Аннушка. – Иван Яковлевич. – Цыган Гаврюша. – Андрей-старчик. – Кирюша-старчик. – Второй Кирюша. – Матушка-кувырок. – Никола-дурачок. – Феодосий-веригоносец да Петр-прыгун. – Иван Степаныч и Ксенофонт, отрок его. – Данило-пустосвят и Феодор. – Мандрыга-угадчик. – Дуня Тамбовская. – Агаша. – Марфа-затворница и Маша-пещерница. – Марья Ив. Скачкова. – Татьяна босая. – Голубица. – Батюшка Шамшин и мещанин Кочуев. – «Дядя домой». – Андреюшка. – Фекла болящая. – Вера Матвеевна. – Старец Глеб. – Антон Воздержник. – Устинья-пророчица. – Тамбовский Симеон. – Солдат Ванюшка. – Блаженный Егорушка. – Пьяница Машка. – Иванушка-дурачок и Иванушка Рождественский. – Кузька-бог. – Воронежский Никанор. – Антонушка. – Отец Серафим. – Полицейский колдун. – Блаженный Антонушка. – Старец Алексей. – Томский Осинька. – Ссылная Домна. – Лже-Разумовский. – Лже-Александр. – Данилушка на кровле. – Авраамий. – Диомид юродивый. – Старец Вася

В самом начале появления юродивых уже являлись люди, которые для своих корыстных целей пользовались легковерием народа. Иоанн Грозный во втором послании к собору жалуется, что «лживые пророки, мужики и женки, и девки, и старые бабы бегают из села в село, нагие и босые, с распущенными волосами, трясутся и бьются, и кричат, св. Анастасия и св. Пятница велят им» и проч.

В следующем затем столетии злоупотребления в этом отношении достигли крайних пределов, так что патриарх принужден был запретить пускать в церкви юродивых и нищих. «Понеже, – сказано было в окружной грамоте 1646 года, – от их крику и писку православным христианам божественного пения не слышать; да тее в церкви Божия приходят аки разбойники с палки, а под теми палки у них бывает копейца железные, и бывают у них меж себя брани до крови и лая смрадная».¹ В начале XVIII века в обеих столицах развелось особенно много юродивых и других странных и полупомешанных людей, которые являлись в церкви в «кошунных одеждах», кричали, пели и делали разные бесчинства во время богослужения – единственно из корыстного желания обратить на себя внимание богомольцев.

Такие беспорядки в церквях вызвали со стороны Святейшего Синода следующее постановление от 14 июля 1732 года: «Юродивых по церквам в столицах бродить не допускать, в кошунных же одежаниях и в церквях не впускать, а в приличном одеянии они могут входить, но стояли бы с должною тихостию не между народом, но в удобном уединенном месте. А буде они станут чинить каковые своеволия, и их к тому не попускать и показывать за то им, яко юродивым, от священноцерковнослужителей угрозыительные способы. А ежели они от того страху никакого иметь не будут, то их во время всякого церковного пения из тех церквей высылать вон. Каковые же ныне юродивые при здешних церквях суть, тех сыскать в духовное правление и какими возможно способы испытывать, наипаче о том, не притворствуют ли они, и потом следовать как надлежит: чей он крестьянин, как и отколь сюда пришел и где пристанище имеет, и отколь пищу и одежду получает, и собираемые от подателей деньги куда они отдают».

Из этого указа видно, что Синод преследовал не юродство, а только соблазнительные недостатки юродивых; тем более, что в то время некоторые из юродивых жили даже при дворе, и им поручались многие благочестивые дела, как, например, раздача милостыни и проч. Импе-

¹ См.: Макарий (Бултаков М.П.). История Русской Церкви. Т. 8. Кн. 3. СПб., 1877. С. 238.

ратрица Анна, пугливая и подозрительная, с особенным вниманием следила за появляющимися в разных вотчинах, как она выражалась, «якобы святыми», т. е. теми типическими проходимцами через всю историю России, так называемыми «юродивыми», нередко вещавшими в иносказательной форме о разных тягостях и печалях народных, о злоупотреблениях власти и т. д. При дворе матери императрицы Анны Иоанновны, набожной царицы Прасковьи Федоровны, находилось множество разного рода калек и юродов. Историк Татищев, посещавший царицу, рассказывает, что у нее был целый госпиталь уродов, юродов, ханжей и шалунов. Из числа их особенным почетом пользовался некто Тимофей Архипыч; у него целовали руки, просили благословения, ждали пророческих сказаний, и каждому его простому слову придавали загадочное и таинственное значение.

I Тимофей Архипыч

К. Тромонин² говорит о нем следующее: «1731 года, мая в 29-й день, при державе благочестивейшей великой государыни нашей императрицы Анны Иоанновны всея России, представился раб Божий Тимофей Архипов сын, который, оставя иконописное художество, юродствовал миру, а не себе; а жил при дворе матери ее императорского величества государыни императрицы благочестивейшей государыни царицы и великой княгини Параскевии Федоровны двадцать восемь лет и погребен в 30-й день мая в Чудовом монастыре, в стене Церкви Михаила Архангела, наружу с южной стороны».

К этому Тромонин добавляет, что «над гробницею его (т. е. Архипыча) находится картина, где Тимофей изображен лежащим в гробе; возле него стоит, как изустно по преданию, императрица Анна Иоанновна».

Болтин³ говорит про Тимофея Архипыча, что он умел ловко подмечать рельефные черты окружающего его общества и весьма метко определить противоречивые свойства характера Анны Иоанновны. За ее склонность к благочестию и монашеству он называл ее Анфисой и предрекал ей монастырь, а ее строптивость и самодурство выражал в следующем присловье, которое произносил постоянно при виде Анны Иоанновны: «Дон, дон, дон! – царь Иван Васильевич!»

Татищев рассказывает, что Тимофей Архипыч его недолюбливал за то, что он не был суеверен и руки его не целовал. «Однажды, – пишет Татищев, – перед отъездом в Сибирь, я приехал проститься с царицей; она, жалую меня, спросила одного шалуна: скоро ли я возвращусь? Он отвечал на это: „Руды много накопает, да и самого закопают“».

Пророчество это однако не сбылось.

Друг царицы Прасковьи, Настасья Александровна Нарышкина, питала к Тимофею Архипычу чувство глубокого уважения и доверия, чтילה его память и после его смерти. Ее правнучка, Елис. Алек. Нарышкина, сообщает о Тимофее Архипыче следующее:⁴ «По занятиям этот блаженный был живописец и с юных лет расписывал храмы; последней его работой были в Чудовом монастыре, где он, между прочим, по преданию, поместил портреты царицы и ее друга Нарышкиной; все полученные там им деньги за работы, как и все свое остальное имущество, он раздал бедным, и последние годы своей жизни употребил на странствования по Святым местам».

Далее та же именитая дама приводит следующий религиозно-мистический и суеверно-поэтический рассказ, который мы передаем в сокращении:

«В последние годы жизни Н.А. Нарышкина, по обыкновению своему, пребывала в своей моленной. Однажды, более чем когда-либо озабоченная будущностью своего потомства ввиду возмущавших ее душу преобразований и реформ, введенных в Россию Петром I, она пала на колени и в пылу религиозного увлечения возносила к небесам молитву о том, чтобы род ее неизменно оставался верен истинному православию и не прекращался никогда. Внезапно ее озаряет видение: она видит перед собою, на воздушных, коленопреклоненным Тимофея Архипыча, держащего в руке свою длинную седую бороду. Обращаясь к ней, он произнес: „Настасья, ты молила Бога, чтобы род твой не пресекался и пребывал в православии; Господь определил иначе, и молитва твоя услышана быть не может. Но я замолил Всевышнего, и доколе в семье

---

² См.: Тромонин К.Я. Достопамятности Москвы. М., 1842. № 6. С.73.

³ См.: Болтин И.Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненная генерал майором Иваном Болтиным. СПб., 1788. Т. 1–2. Т II. С. 497.

⁴ См.: Русский архив. 1874. № I. С. 612.

твоей будет сохраняться в целости моя борода, желание твое будет исполнено, и род твой не прекратится на земле“». Устрашенная и взволнованная этим видением и словами, Нарышкина упала и лишилась чувств. Когда ее подняли, и она пришла в себя, то в руках ее оказалась длинная седая борода, «та самая, которую я, – прибавляет ее правнучка, – видела у свекра моего, Ив. Алек. Нарышкина, родного внука Наст. Алек. Нарышкиной». Борода эта сохранялась в особенном ящике, на дне которого лежала шелковая подушка с вышитым на ней крестом, и на этой подушке покоилась эта реликвия, или семейный талисман.

«Мне особенно памятна эта борода, – продолжает Е.А. Нарышкина, – потому что вскоре после моего замужества свекровь моя настояла, чтобы я временно перевезла ее к себе в дом в надежде, что ее присутствие в нашем доме принесет с собою благословение Божие и что у нас с мужем будут дети. Не могу теперь достоверно определить, в какую именно эпоху борода исчезла и, несмотря на самые тщательные розыски, не могла быть отыскана. Когда хватились бороды и не нашли ее, то, после многих тщетных поисков, мы остановились на том убеждении, что мой свекор, переезжая в новый дом, вздумал поместить в этом ящике свою коллекцию белых мышей, которых он очень любил и для которых считал это помещение весьма удобным хранилищем при переезде. Затем остается предположить, что мыши привели эту бороду в такое состояние, что сам Нарышкин, боясь упреков жены, выкинул ее по приезду в новый дом, или прислуга, приводя в порядок шкатулку, забросила или потеряла эту бороду; при этом достойно замечания, что в год исчезновения бороды получены были известия от старшего брата мужа, проживавшего с семьей за границей, что у единственного сына его Александра появились первые признаки того тяжкого недуга, который свел его в могилу; т. к. он наследников после себя не оставил, эта ветвь Нарышкиных, после кончины моего мужа, действительно пресеклась».

II

Ксения Григорьевна

Во время императрицы Елисаветы Петровны известна была юродивая Ксения Григорьевна,⁵ жена придворного певчего Андрея Федорова Петрова, «состоявшего в чине полковника». Ксения в молодых годах осталась вдовою (26 лет); раздав все свое состояние бедным, она надела на себя одежду своего мужа и под его именем странствовала сорок пять лет, не имея нигде постоянного жилища. Главным местопребыванием ее служила Петербургская сторона, приход св. апостола Матфея, где одна улица называлась ее именем: «Андрей Петров». По преданию, Ксения пользовалась большим уважением у петербургских извозчиков, которые, завидя ее где-нибудь на улице, наперерыв один перед другим предлагали ей свои услуги, в том убеждении, что кому из них удастся хотя несколько провезти Ксению, тому непременно повезет счастье. Год смерти Ксении неизвестен; некоторые уверяют, что она погребена на Смоленском кладбище еще до первого наводнения, случившегося в 1777 году; при жизни предсказала жителям Петербургской стороны смерть императрицы Елисаветы Петровны 25 декабря 1761 года. Ксения ходила по Петербургской стороне и говорила жителям: «Пеките блины, вся Россия будет печь блины». На другой день императрица внезапно скончалась. По другим рассказам Ксения скончалась в царствование Павла Петровича, но это неверно: в списках кладбищенских за это время имя ее не встречается.

По преданию, в скором времени после ее погребения посетители разобрали всю могильную насыпь. Сделана была другая, и усердствующими лицами на могиле положена плита. Но плита скоро была разломана и разнесена по домам. Другая плита также недолго оставалась целою. Ломая камень и разбирая землю, посетители бросали на могилу Ксении посильные денежные пожертвования, а кладбищенские нищие этим пользовались и забирали деньги себе. Тогда к могиле прикрепили кружку и на собранные таким образом пожертвования над могилою Ксении поставили памятник в виде часовни, которая существует и теперь. Здесь же находится кружка, куда жертвователи опускают свои приношения. Половина собираемой таким образом суммы поступает в пользу попечительства, а другая остается в церкви на неугасимую лампаду на гробе Ксении. Всей суммы в течение года высыпается из этой кружки около 300 руб. серебром. Могила Ксении посещается ежедневно на Смоленском кладбище массою посетителей, и ни на одной из могил не служит столько панихид. Надпись на могиле Ксении следующая: «Кто меня знал, да помянет мою душу для спасения своей души».

В распоряжении нашем находится крайне интересный архивный документ, касающийся пророчества этой юродивой. Это собственно прошение о бедности к императору Павлу I, поданное надворным советником Думашевым, 15 июня 1797 года. Вот извлечение из него, касающееся нашего повествования: «Прими, монарх славы, о чем доношу, есть либо со мною все то не совершилось поднесь и с особою вашею умолк бы навсегда, но теперь на совести лежит, чтоб вам не донести. В 1766 году, генваря 10 дня, был день моего рождения; накануне моих именин, прожив я с моею женою девять месяцев в Петербурге, не получил никакой милости кроме крайнего прожитку, и надобно нам было отъезжать в Москву. Мы жили тогда в доме вместе с покойною несчастною фрейлиною Анною Алексеевною Хитрово, именным повелением нам приказано жить с нею и ехать вместе в Москву; жена моя ей была внучатая сестра, по одному родству она нам была и приурочена.

---

⁵ Сведение это мы берем из описания Смоленского кладбища, составленного священником Стефаном Опатовичем (См. Опатович С.И. Смоленское кладбище в С.-Петербурге. Ист. очерк//Русская старина. 1873. Авг. С. 168–200).

Вдруг в оное число вышла к нам Богу угодная юродивая женщина, называемая Андрей Федорыч, весь город ее знал и почитал таковою. Мы все весьма обрадовались ее приходу и испугались, за счастье считали – к кому она войдет в дом. Между многими от нас вопросами она мало говорила, и надобно вслушиваться, что скажет; о прошедшем случае матери моей и несчастьи с нею сказала догадками; что я завтра именинник и что мы этот день будем плакать и молиться и все люди наши: я спрашивал: «Да за что и отчего?» – она сказала: «Ну да царь заставит вас плакать от радости, и после еще много слез будет у вас»; я говорю: «Какой царь, скажи мне» – «Ну да как запоют Христос Воскресе, увидишь»,⁶ – показала руками на свою голову, и окружила и пальцами сделала крест; мы, государь, изумились. Говорит: «Он очень будет счастлив»; жене моей говорит: «Ты у меня так дородна, как его жена». – «Какая жена и чья?» – спрашивали. «Ну, вон его жена!» – указала на ваш портрет; она вместе, опять показала пальцами крест, Даже мы, монарх, трое друг с другом не смели говорить, – совершилось подлинно в нынешнем году в свои самые именины генваря 11 дня, получил известие от Дмитрия Прокофьевича Трощинского⁷ о ваших ко мне милостях пожалованием денег на оплату долгов; рыданий и молений много было сие число, а паче меня удивило, взяла за мою ногу, шпоры украли, и плакала, то донесу об оном, когда государь в несчастьи матери моей накануне вашего отъезда из Петербурга...

Государь! Ваш родитель, мой отец и божество мое, изволил матери моей сто, а мне пятьдесят червонных прислать на дорогу и мне шпоры с своих ножек, с тем, чтоб это было негласно; оные шпоры во весь Прусский поход неоцененным даром при мне хранились, и когда я бывал за майора, всегда на мне, но, по возвращении из Пруссии в Россию, на Валдаях, меня в ночи всего обокрали, остался в чем был, много плакал об оных шпорах, последняя сказала: «Я не дождусь праздника Петра и Павла, а вы доживете». Далее, государь, умолчу описать подробно, что она говорила о царе; дай, Боже! чтоб оное осталось в России по ее предсказанию, и она сказала покойному Николаю Ивановичу Рославлеву, он тогда был в гвардии майором, и был послан к оной Андрею Федорычу; после он нам пересказывал за секрет пред своею смертию, – все сбылось, что она ему сказала, в предшедшем 1796 году.

Государь, не приемли от вашего вам подданного за выдумку и слог, клянусь присягою вам, крестом и Евангелием и моею головою, а вашим мечом, что все сие поднесь истинная правда».

---

⁶ Император Павел I короновался в первый день Пасхи.

⁷ Обер-прокурор в царствование императора Павла I и министр при императоре Александре I.

III

Семен Митрич

Самым замечательным на поприще юродства в Москве в начале нынешнего столетия, был Семен Митрич (родился в 1770 году, умер 31 декабря 1860 года). В молодости он занимался башмачною торговлею на Смоленском рынке, начало его юродства можно отнести к эпохе Новинского в Москве пожара, в 1804 году. У него сгорела лавка; потеря всего имущества сильно подействовала на него. «Пламя пожара осветило перед ним всю нищету и суетность земных забот и попечений», – говорит его анонимный биограф в «Домашней беседе» В.И. Аскоченского. По другим сказаниям, было в Москве одно купеческое семейство, состоявшее из отца и сыновей; жили они хорошо, но, по смерти отца, сыновья поссорились и разделились; при разделе один обманул другого, и вот начали жить они отдельно, проклиная друг друга. Один из братьев скоро умер, успев отдать свою дочь в Никитский монастырь, где она жила до последнего времени, а другой весь прожил, стал юродствовать и наконец сделался Семеном Митричем. Он сперва приютился на паперти при церкви св. Троицы, где исправлял между прочим должности чтеца и певца. Во время нашествия французов он не выходил из Москвы и бродил по пустырям и обгорелым местам. В 1816 году он поселился на Арбате, в доме купца Дронова, а в 1821 году, при встрече на улице с московским обер-полицмейстером Шульгиным, взят был в сумасшедший дом. При испытании его не признали умалишенным и выпустили на свободу. Семен Митрич вырыл себе землянку во дворе дома купца Ильина, но вскоре пожелал опять на Арбат, к тому же Дронову. Наконец, в 1826 году он переселился на житье в приход св. Николая, что на Щепках, в доме купца Чамова; отсюда он выходил редко, а с 1836-го до 1852 года почти постоянно оставался в саду, летом и зимою.

Прежде он все зимой бегал на реку умываться, бегал босой, в одной рубашке, в какую бы то ни было погоду зной, стужа, 20 мороза для него не существовали. Ходил он с открытой головой, иногда напевал вслух; но ни у кого ничего не брал и не просил. Потом он засел дома и начал предсказывать. Чтобы попасть к нему, надо было, выйдя в ворота, пройти через грязный переулочек на заднем дворе, спуститься в подземелье, и тут направо была кухня, где он жил.

Кухня – вроде подвала со сводом, прямо – русская печь, направо – окно и стена, уставленная образами с горящими лампадами; налево, в углу, лежал на кровати Семен Митрич; возле него стояла лохань; в подвале мрак, сырость, грязь, вонь.

Прежде Семен Митрич лежал на печи, потом лег на постель, с которой ни разу не вставал в продолжении нескольких лет. Представлял он из себя какую-то массу живой грязи, в которой даже трудно было различить, что это – человеческий ли образ или животное, лежа на постели, Семен Митрич совершал все свои отправления. Прислуживавшая ему женщина одевала и раздевала его, иногда по два и по три раза обтирала, мыла и переменяла на нем белье.

«Если же не доглядишь, – рассказывала она, – он и лежит... А то, – прибавляла, – и ручку, бывало, замарает: ты подойдешь к нему, а он тебя и перекрестит».

Такую жизнь Семена Митрича почитали за великий подвиг. Церкви он не знал, Богу тоже не молился; не любил, чтобы его спрашивали о чем-нибудь; прямых ответов он не давал, а о себе говорил в третьем лице. Понимать его надо было со сноровкою. Спроси, например его кто-нибудь о женихе или о пропаже, или, как одна барыня спросила, куда ее муж убежал, он или обольет помоями, или обдаст глаза какою-нибудь нечистью.

По рассказам современников, он будто бы обладал глубокою прозорливостью, но для уразумения его ответа опять нужна была сноровка, потому что он иногда говорил, что ему взбредет на ум: «Полено, таракан, доска, воняет, вошь», – и т. п. Почитательницы его над каждым его словом ломали голову, отыскивая в нем таинственное значение. Как гласит надпись

над его гравированным портретом: «Он узнавал настоящее и прошедшее, даже предсказывал некоторые случаи, и они исполнялись; другие же от самых ударов его получали облегчение».

Богатая купчиха из Рогожской выдавала дочь замуж и приехала спросить у Семена Митрича, каков жених? Выдавать ли за него дочь и т. п. Вошла и села она, а он и говорит: «Доски». – «Что за доски? – спрашивает купчиха. – Какие у меня доски! У меня все сундуки, набитые шелком, да бархатом!».

– А мы отвечаем ей, – говорила его прислужница, – что не знаем, а сами думаем: «Как не знать, известно, что значит доски – гроб». Так ведь и сделалось: дочь-то купчихи умерла.

Сам Семен Митрич умер на девяностом году от рождения. Во время его агонии целая толпа купчих не отходила от него. В день похорон его стечение народа было страшное. Хоронили его штабс-капитан Заливкий да его супруга из купеческого рода. Где лежало тело, тут нельзя было пролезть. Двор постоянно был полон. Все имущество его растащили на память; один тащит подушку его, другой какую-нибудь его тряпицу, третий ложку, которою он ел, четвертый его опорки и т. д. Хоронили его на четвертый день после смерти, но многие сердились, зачем так скоро его хоронят. Переулки, примыкавшие к дому, где он жил, были переполнены народом. В церкви, во время обедни, у гроба его стояла стена почитателей: все лезли, кто приложиться, кто только чтоб до него дотронуться. И вся эта масса народа по окончании отпевания подняла гроб и понесла на Ваганьково кладбище.

Впереди всей процессии скакал не известный никому юродивый, босиком, в черной рубашке. Скачет, скачет, скачет – остановится, три раза поклонится гробу и снова скачет... Потом несли образ, шли певчие, духовенство, затем народ, несший на головах гроб, и, наконец, экипажи. На кладбище ревнителями было устроено обильное угощение (разошлись поздно). И долго еще Москва известного круга ни о чем больше не говорила, как о Семене Митриче. Двое, по рассказам, в то же время стали писать его житие: студент и священник, но, к сожалению, жизнеописание Семена Митрича в печати не появилось.

IV

Михаил Дурасов, Евсевий, Соломония и Неонилла

В царствование императора Александра I в Москве, кроме Семена Митрича, пользовались известностью еще несколько юродивых. Так, в Симоновом монастыре проживал Мих. Зин. Дурасов, в мире носивший чин генерал-лейтенанта, жил он в монастыре тайно с высочайшего дозволения, и чин его был известен одному настоятелю монастыря. Он был ревностный ученик и последователь знаменитого Саровского подвижника Серафима и отличался самою строгою подвижничествою жизнью. Нередко он казался весьма странным, совершенным юродивым, но под этою странностью, по словам знавших его, он скрывал цель высокого своеголюбумудрия и уклонял от себя мир со всеми прелестями его. Дурасов скончался 20 июня 1828 года, 56 лет, погребен он в Симоновом монастыре.

В Страстном монастыре проживал в это же время монах Евсевий (скончавшийся в 1836 году) Это был тогда самый популярнейший юродивый в Москве Он отличался вполне безупречною жизнью и, по словам монахов, «был славен особливо по великому терпению разных поношений и биений не понимавших его сокровенной духовной жизни»

При отпевании и несении тела его из Страстного монастыря до Симонова, многие тысячи народа окружали и сопровождали гроб его. Над прахом его было сказано, что в лице его «было видимое торжество веры и нищеты духовной, которая славнее и величественнее всякого блеска богатых и сильных земли»; это надгробное слово говорил известный в то время проповедник архимандрит Мельхиседек.

В то время в Симоновом монастыре, у юго-восточной башни, было отведено особенное место для юродивых, на котором обитель и давала безвозмездное последнее пристанище всем странным и нищим духом, которых в народе зовут также блаженными. Еще до сих пор там целы могильные плиты двух знаменитых в свое время женщин-юродивых, девиц Соломонии и Неониллы. На памятнике первой написано: «Под сим камнем погребено тело рабы Божьей девицы Соломонии, скончавшейся 1809 года, мая 9, на 55-м году от рождения». На памятнике второй: «Под сим камнем погребено тело рабы Божьей девицы Неониллы болящей, скончавшейся в ноябре 29-го 1824 года».

V

Аннушка

В Петербурге, в царствование императора Николая I, пользовалась большою популярностью юродивая старушка Аннушка или Анна Ивановна. По внешности это была небольшого роста женщина, лет шестидесяти, с весьма тонкими красивыми чертами лица, одетая всегда бедно, с ридикюлем в руках, всегда полным разных даяний. Особенностью этой юродивой была страсть к нюхательному табаку. Анна Ивановна происходила из знатной фамилии, говорили даже, что она была княжеского рода, воспитание она получила чуть ли не в Смольном институте, прекрасно говорила по-французски и по-немецки, в молодости влюбилась в гвардейского офицера, который женился на другой. Тогда она покинула Петербург и, спустя несколько лет, явилась в нем юродивой. Она, несмотря ни на какую погоду, ходила по городу, собирала милостыню и раздавала ее другим; большею частью она проживала на Сенной, у одного домовладельца Дурышкина, и в квартире священника Чулкова, известного отца Василия, вышедшего из народа и пользовавшегося самою большою популярностью между купцами, мастерами и всяким бедным людом.

Раз, бродя по городу, Аннушка зашла в Лавру и, встретившись здесь с одним архимандритом, предсказала ему получение епископского сана. Действительно архимандрит вскоре был хиротонисан во епископа и оставлен в Петербурге викарием. Он определил Анну Ивановну в Охтенскую богадельню под вымышленной фамилией Ложкиной. Впрочем, и после определения в богадельню она гораздо чаще жила на Сенной, у своих благодетелей, – говорят, потому что жизнь богаделенок ей не нравилась. Да и сама она не слишком-то нравилась богаделенкам за сварливость и частые ссоры. Одетая в отвратительные лохмотья, она заводила ссоры, бранилась с извозчиками и нередко вместо платы за провоз била их палкой. Такая товарка богаделенкам не могла быть приятною, зато на Сенной площади она пользовалась чрезвычайным уважением. Торговцы, мастеровые, чернорабочие и даже весьма многие духовные лица в Петербурге видели в ней юродивую Христа ради и не соблазнялись ее наружностью. Мне передавал один из старожилов Петербурга следующий факт, случившийся в доме его отца:

«Анна Ивановна часто бывала у моего отца; у него жил бедный аптекарь. Раз, придя к отцу, она спросила:

– Где аптекарь?

Когда последнего позвали к Анне Ивановне, то она положила ему в рот десятирублевую бумажку, сказав:

– Крепко будешь париться в бане, немец!

Не прошло и двух дней после этого, как аптекарь, составляя что-то на плите, жестоко обжег себе лицо и грудь и долго после того лечился в больнице».

Незадолго до своей смерти Анна Ивановна пришла на Смоленское кладбище, принесла покров и, разостлав его на земле, просила протоиерея отслужить панихиду по рабе Божией Анне. Когда панихида была отслужена, она пожертвовала покров в церковь с тем, чтобы им покрывали убогих покойников, и просила протоиерея похоронить ее на этом месте. После этого приходили к ней монахини из женского монастыря и предлагали место на своем кладбище, но она отказалась. При погребении ее присутствовали почти все обитатели Сенной площади. На могиле ее стоит деревянный крест и положена плита с надписью. Могила постоянно посещается народом; посетители берут землю из-под плиты и уносят ее с собою как средство от болезней.

VI

Иван Яковлевич

Из всех известных лжепророков ни один не пользовался такою большою известностью, как живший в Москве, в половине нынешнего столетия, Иван Яковлевич Корейша. Он должен занимать первенствующее место в истории различных чудачеств. Про него почитатели его говорили: «Он от писаний скажет и эллинской премудрости научит, и табачок освятит!»

Иван Яковлевич Корейша родом происходил из смоленских священнических детей; обучался в Духовной академии, затем жил в Смоленске, управляя чем-то, но наделал что-то недоброе и ушел в лес, решивши юродствовать.⁸ Крестьяне нашли его в лесу копающим палкою землю, без шапки и без всякого имущества; они построили ему избушку, стали к нему ходить, и скоро имя Ивана Яковлевича сделалось известным во всей окрестности. Такое начало подвижнической жизни Ивана Яковлевича было в древнерусском духе. В старину все старцы и старицы уходили в лес, в пустынные места, в особенности на север, где у них являлась землянка или келья. Вскоре молва о пустыннике достигла деревень и сел, и толпа собиралась, чтобы принять благословение, послушать вещих речей и т. д.

Но строгой подвижнической жизни Ивана Яковлевича не суждено было дальнейшего развития. В двадцатых годах в Смоленске жила одна богатая и знатная дама; у ней была дочь-невеста, сговоренная за одного военного, героя Двенадцатого года. Свадьба была уже назначена, но невесте вздумалось съездить к Ивану Яковлевичу. И вот мать с дочерью едут в лес, к землянке Ивана Яковлевича, и спрашивают у него: счастлива ли будет замужем такая-то раба Божия?

Иван Яковлевич вместо ответа вскакивает со своего места, стучит кулаками о стол и кричит: «Разбойники! воры! бей! бей!»

Воротившись домой, невеста объявила, что она замуж за своего жениха не пойдет, потому что Иван Яковлевич назвал его разбойником. Жених, узнав причину отказа, тотчас же отправился к Ивану Яковлевичу, изрядно поколотил его, а потом просил губернатора избавить общество от полоумного изувера, расстраивающего семейные дела.

Так как дома для умалишенных в Смоленске не было, то Иван Яковлевич был отправлен в московский «безумный дом», как тогда его называли. Невеста же замуж совсем не пошла, а переселилась в монастырь, где была игуменьей и вела переписку с Иваном Яковлевичем по свою смерть.

Ехал Иван Яковлевич в Москву, а слава о нем бежала вперед, распространяя слух, что едет пророк, чудесно все угадывающий и предсказывающий. По приезде в Москву, Иван Яковлевич был помещен в дом умалишенных. Вот описание его комнаты и его самого, заимствованное нами из газет того времени: «В его палате стены уставлены множеством икон, словно часовня какая. На полу, пред образами, стоит большой высеребренный подсвечник с массой свечек; в подсвечник ставят свечи.

Налево низко молится странник с растрепанными волосами и в порыжелом от солнца кафтане. Направо, в углу, еще ниже молится баба. Прямо на диване сидит молоденькая девушка, на полу возле него – известная московская купчиха З. Увидав вошедших людей, она встала, опустила на юбку свое платье, поднятое кверху, чтобы не замарать его на полу, подвела к нему под благословение своего ребенка, потом сама подошла, поцеловала его руку и лоб, перекрестила его и вышла.

Направо, в углу, на полулежит Иван Яковлевич, закрытый до половины одеялом. Он может ходить, но несколько лет предпочитает лежать; на всех больных надето белье из полотна,

---

⁸ См: Прыжов И.Г. Житие Ивана Яковлевича // Наше время. 1860. № 34. С. 547.

а у Ивана Яковлевича и рубашка, и одеяло, и наволочка из темноватого цвета. И этот темный цвет белья, и обычай Ивана Яковлевича совершать все пищевые потребности, как то обеды и ужины (он все ел руками – будь это щи или каша – и о себя обтирался) – все это делает из его постели какую-то темногрязную массу, к которой трудно и подойти.

Лежит он на спине, сложив на груди жилистые руки. Ему лет около восьмидесяти; лоб высокий, голова лысая, лицо какое-то придавленное. Он молчит или почти не отвечает на все предлагаемые ему вопросы. Сторож ему говорит:

– Иван Яковлевич, что же вы не скажете ничего господам? Скажите что-нибудь им.

– Я устал, – отвечал он, но потом сказал кое-что очень обыкновенное».

По Великим постам он велел приносить себе постные и скоромные кушанья, мешал их вместе и сам ел, и других кормил. За обедом и ужином принимал он и водочку Купчихи, которые дома не обходятся без постного сахара, ели у Ивана Яковлевича скоромные кушанья, веруя, что это богоугодное дело.

Вообще же мешанье кушаньев имело в глазах почитателей его какое-то мистическое значение. Принесут ему кочанной капусты с луком и вареного гороху, оторвет он капустный лист, обмакнет его в сок и положит к себе на плешь, и сок течет с его головы; остальную же капусту смешает с горохом, ест и других кормит: скверное кушанье, а все едят. Впрочем, поклонники его и не это делали. Князь Алек. Долгорукий⁹ рассказывал, что он любил одну госпожу А. А. А., которая, следуя в то время общей московской доверчивости к Ивану Яковлевичу, ездила к нему, целовала его руки и пила грязную воду, которую он мешал пальцами. Князь добавляет, что «я на нее крепко рассердился за это и объявил ей, что если она еще раз напьется этой гадости, то я до нее дотрагиваться не буду. Между тем, спустя три недели, она отправилась вторично к нему – и когда он по очереди стал опять поить этой водой, то, дойдя до нее, отскочил и три раза прокричал: „Алексей не велел!“».

Более сорока лет он предсказывал о женихах, угадывал о местах, пророчествовал о морозах, о засухе, бурях, холере, о войне и т. д. Ему несли дары «с упованием некия пользы», но сам он ничем не пользовался, а раздавал окружающим.

Кроме того, при доме умалишенных была устроена кружка, куда доброхотные датели клали свои лепты, нередко и красненькие бумажки, как это делали замоскворецкие купчихи. Приносимые же ему дары состояли обыкновенно в калачах, яблоках и нюхательном табаке. Принятые Иваном Яковлевичем, такие дары приобретали в руках его какую-то необыкновенную чудесную силу, потом же раздавались всем приходящим к нему и производили мнимые чудеса.

Одна барыня, услышав однажды голос неверия, рассказывала, как у ней болел палец на руке, и медики присудили его отрезать, сказав, что если она не отрежет пальца, то скоро нужно будет резать ей всю руку. Несколько дней продолжалась ужасная боль в ее пальце, и не знала она, что ей делать и куда деваться. И вдруг вспомнила, что в ее комодке лежит сверток табаку, подаренного ей Иваном Яковлевичем, с надписью: «Табак от Ивана Яковлевича». Она велела подать себе этот табак, насыпала им палец, и – чудо! – палец тотчас же перестал болеть и скоро зажил.

– Таким образом все ваши доктора, – продолжала она, – шарлатаны, а Иван Яковлевич истинный целитель.

Кроме нюхательного табаку, другим служили лекарством записочки, которые он раздавал приходящим. Записочки эти носили на кресте; они исцеляли зубную боль, но главное, по смыслу написанного в них указывалась судьба.

---

⁹ См.: (Долгоруков А.В. Органон животного месмеризма. Соч. кн. Долгорукова, магнетизера больниц ведомства Петербургских учреждений имп. Марии. СПб., 1860).

Писал Иван Яковлевич очень четко, но вместо слов иногда делал каракульки, чтобы в его писании было больше чудесного.

С этою же целью употреблял он греческие и латинские слова. Предсказания его и записочки были всегда загадочны до отсутствия всякого смысла, в них можно было видеть все и ничего не видеть, а потому, объясняемые с известною целью, они постоянно сбываются.

В последнее время своей жизни Иван Яковлевич редко писал записочки; писанием их занимался его послушник Александр Васильевич, который был прежде дьяконом и все это к батюшке ходил, а под конец, как передавали поклонницы Ивана Яковлевича, выпросился из дьяконов, да при нем и остался.

Вот несколько образчиков письма Ивана Яковлевича писано к одной даме, имевшей с ним сношение в продолжении более двадцати лет. Каждый шаг этой дамы, вся участь ее детей, все это предварительно подвергалось обсуждению его. Например, дама писала «Что ожидает Петра – женитьба или монастырь? О чем думает Петр?» Ответ Ивана Яковлевича был следующий: «Я не думала и не гадала ни о чем в свете тужить. А когда пришло времячко: взяла грудь тамить и несть под лексом (законом), но под благодатью!»

Вопрос: Идти ли рабе Божьей в монастырь?

Ответ: Цорная ряза не спасает, а альпа (альба, т. е. белая) риза у ереси не уводит. Будьте мудри, яко ехидны, и цели, яко колюмп(б)ы (голуби) и нетленен яко ар(б)порс (деревья) кипариси и певки и кедри 1832 года мензис (месяц) Иулия XXII студент холодных вод Иоанус Иаковлев.

Вопрос: Скоро ли получит раб Божий Николаи (семинарист)?

Ответ: Во вселия (т. е. в селы).

Вопрос: Женится ли Х.?

Ответ: Без працы не бенды колацы (sic!).

Вопрос: Велят ли выдать мне проценты?

Ответ: В мефу дать аргент (серебро) боится.

Вопрос: Что случится с рабом Александром?

Ответ: Александр Львос Филипа Василавсу Македону Урбсу (sic!).

Надо заметить: московский прорицатель не церемонился с буквами и писал вместо «б» «п» и т. д.

Незадолго до своей смерти Иван Яковлевич¹⁰ написал к одному лицу в Москву следующее письмо: «Иоан Яковлевич оттенок нетленного света тышет к лучю нетленного света бессмертного луча и света¹¹... на бренной земле... свет миру, а луч православный на земли и на водах ей витийствует Дух да почиет свет от трудов своих; не приветствуя Вас... как всегда готовою для всемирной славы, тако мир благовествую. Более гораздо квадратных лет ради Бога с его народами тружусь у печки на двух квадратных саженьях. Кто ищет Царствие Небесное нудится, а нуждницы восхищают. Благодарю Создателю моему, что Он меня, пораженного болезнями, не отринул, послал исцеление. Ты, Господи, вся стихиею сотворил еси; Души праведных в руце Божий, от нетленного Света бренный свет питается... обратите милостивое ваше внимание на Ивана Яковлевича, исходатайствуйте ему свободу из больницы на чистый прохладный безболезненный воздух к родной племяннице моей, диаконице Марии в село Петровское, за таковое ваше милосердие воздаст вам Бог и Господь и Дух Святый воздаяние во Единой Троицы славимый. Аминь».

По этому письму Ивана Яковлевича хотели выпустить из дома умалишенных, но когда ему объявили это, то он сказал, что «идти никуда не хочет, а тем более в ад». Из разных способов, которым приписывалась врачующая сила Ивана Яковлевича, замечательны были следующие

---

¹⁰ См.: Прыжов И.Г. Двадцать шесть московских лжепророков, лжеюродивых, дур и дураков. М., 1863.

¹¹ Письмо это не годится для печати и приводится нами с пропусками.

щие: девушек он сажал к себе на колени и вертел их; пожилых женщин он обливал и обмазывал разными нечистотами, рвал им платья, дрался и ругался; всему этому придавали суеверы символическое значение.

Княгиня В., больная, поддерживаемая двумя лакеями, приехала к нему спросить о своем здоровье. В это время у Ивана Яковлевича были в руках два больших яблока. Ничего не говоря, он ударил княгиню этими яблоками по животу. С ней сделалось дурно, она упала и потом, как говорили, болезнь как рукой сняло: она выздоровела.

Прыжов в своей книге¹² приводит некоторые семейные воспоминания о Корейше «Бабушка моя, тетушка и матушка, – говорит он, – были усердными почитательницами Ивана Яковлевича. У бабушки жила шутиха, некая Лизавета Ивановна, старая безнравственная девка, забавлявшая всех такими же шутками, какие Берхгольд видел при дворе Прасковьи Ивановны. Отправляясь раз к Ивану Яковлевичу, бабушка взяла с собой Лизавету Ивановну, у которой тогда болела голова. Вот вошли они на двор «безумного дома»; Лизавета Ивановна шла впереди. Увидев ее, Иван Яковлевич, гулявший тогда по саду, бросился на нее, повалил ее на землю, сел на нее верхом и начал бить ее по голове моченым яблоком и бил до тех пор, пока не измочалил все яблоко. Еле-еле убралась от него Лизавета Ивановна, и – представьте, что сделалось! – у нее от побоев перестала болеть голова».

Из почитателей Ивана Яковлевича известны господин Олсуфьев, купчиха Заливская и госпожа Г. Рассказывали, что последняя дама имела в Москве судебное дело, в котором отказано ей было во всех инстанциях. Подавала она несколько просьб начальству, и кончилось тем, что ее обязали подпиской не беспокоить более начальства. Что ей делать? Она бросилась к Ивану Яковлевичу; он ей сказал: «Не бойся! ступай в Питер и проси священника Александра». Она поехала в Петербург, говела там, исповедалась нарочно у священника Александра и выиграла дело. У нее же за долги было назначено в продажу имение. Завтра аукцион. Что ей делать? Она к Ивану Яковлевичу. «Не бойся, – говорит он ей на своем мистическом языке, – все будет хорошо!» Она, грешная, не верит, идет домой... и что ж? ей дают займы денег, она платит их, и имение остается за нею! Но не ко всем добр бывал Иван Яковлевич. Приезжают раз к нему три жирные и очень известные московские купчихи в тысячных салопах, и одна из них, беременная, спрашивает: кого она родит – мальчика или девочку? Иван Яковлевич выгнал их всех и не стал с ними говорить.

Приехала к нему известная некогда красавица-купчиха Ш. и спрашивает его, о чем ей было нужно, а он поднял ее платье и говорит. «Все растрясла – поди прочь!»

Настоящих дураков Иван Яковлевич терпеть не мог и гонял от себя, но особенно он не любил, когда к нему обращались с нелепыми вопросами.

В числе его почитателей много было важных лиц, и когда они приезжали, то к нему никого больше не пускали.

Таким почитателем Ивана Яковлевича считалось одно известное лицо, которое, по его записочкам, написанным на клочке серой бумаги, оказывало покровительство его родственникам. Так, например, племянник Ивана Яковлевича был переведен из села Петровского в село Черкизово.

Эти черкизовские родственники сильно хлопотали, чтобы взять к себе Ивана Яковлевича и таким образом открыть у себя торговлю. Им помогал некто В.; говорят, что последний был прежде дьяконом, потом женился на купчихе, был учителем, по ходатайству одного лица перед губернатором, князем С.М. Голицыным, поступил в совет, где, по милости князя же, дослужился до коллежского асессора, потом поступил в монахи, а теперь опять сделался светским. Он подавал тоже прошение, чтоб взять Ивана Яковлевича из сумасшедшего дома.

---

¹² См.: Прыжов И.Г. Житие Ивана Яковлевича, известного пророка в Москве. СПб., 1860. С. 22.

Иван Яковлевич недели за три до своей смерти впал в беспамятство, и все это время уста его не говорили вещих слов, посетители выходили от него с грудой нерешенных вопросов; за все время его агонии публика входила в его комнату бесплатно.

Из предсмертных его особенных действий известно, что за восемь дней до смерти он приказал купить восемь окуней и сварить ушку, покушав последней немного, он отложил ее до утра. Потом, раз ночью, выдвинулся он на середину комнаты и лег ногами к образам, как прилично покойнику, но внимательными заботами сторожа был водворен на прежнее место, в угол к печке.

Наконец пришел роковой час, и Ивана Яковлевича не стало. Скорбная весть о его кончине быстро пронеслась по всем концам Москвы. Множество поклонников спешило к нему, и все несли ему укусу, спирту, масла, духов для умащения его тела.

Два дня стоял он в своей комнате, и масса народа не отходила от него, прикладывалась к нему и помазывала его для уничтожения появившегося зловония. Благоразумные поклонники, опасаясь, что от усердного натирания труп окончательно испортится, сочли нужным вынести его в часовню.

«Московские полицейские ведомости» сообщали, что умершего в Преображенской больнице Ивана Яковлевича Корейшы отпевание тела будет в воскресенье, 10 числа, в 10 часу утра, в приходской, что в Екатерининском богадельном доме, церкви, а погребение – в Покровском монастыре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.